

«СМЕРТНЫЕ ГРЕХИ» КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ «НЕПОРОЧНОСТИ» УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

© 2019 г. А. А. Эксархопуло

Башкирский государственный университет, г. Уфа

E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2018 г.

Аннотация. Статья посвящена исторической взаимосвязи структуры досудебного производства и криминалистической методики. Сформировавшееся у некоторой части ученых мнение о единственном призвании криминалистики – обслуживать уголовный процесс, высказанное А.С. Александровым в его нашедшей статью про семь смертных грехов современной криминалистики, создало ложное представление и об уровне развития самой науки, и о ее взаимоотношениях с уголовным процессом. В предлагаемой статье с использованием исторических примеров показаны как бесперспективность поиска односторонней зависимости структуры криминалистической методики от структуры досудебного производства, так и польза от совместного решения проблем теории и практики.

Ключевые слова: криминалистическая методика, структура методики, криминалистика, историческая взаимосвязь, теория, правоприменительная практика.

Цитирование: Эксархопуло А.А. «Смертные грехи» криминалистической методики как показатель «непорочности» уголовного процесса // Государство и право. 2019. № 9. С. 44–51.

DOI: 10.31857/S013207690006729-3

“MORTAL SINS” OF CRIMINALISTIC METHODS AS A MEASURE OF THE “PURITY” OF THE CRIMINAL PROCEDURE

© 2019 А. А. Exarkhopulo

Bashkir state University, Ufa

E-mail: a.exarkhopulo@mail.ru

Received 01.08.2018

Abstract. The article is devoted to the historical relationship of the structure of pre-trial proceedings and criminalistic methods. Formed some of the scientist opinion about the only calling of criminology – to serve the criminal procedure, expressed by A.S. Alexandrov in his sensational article about the seven deadly sins of modern criminology, created a false idea about the level of development of science itself, and its relationship with the criminal procedure. In the present article using historical examples shows how futile search for unilateral dependence of the structure of criminalistic methods on the structure of pre-trial proceedings, and the benefits of joint solutions to the problems of theory and practice.

Key words: criminalistic methods, structure of methods, criminalistics, historical interrelation, theory, law enforcement practice.

For citation: Exarkhopulo, A.A. (2019). “Mortal sins” of criminalistic methods as a measure of the “purity” of the criminal procedure // Gosudarstvo i pravo=State and Law, № 9, pp. 44–51.

В истории уголовного процесса России попытки реформировать досудебное производство путем изменения его структуры предпринимались неоднократно. Такие реформы либо были направлены на разделение функций правоохранительных органов, либо касались их организации. При этом преобразования и нововведения организационного характера, например создание института губных старост при Иване IV Грозном или учреждение судебных следователей при Александре II, отчасти вели и к перераспределению функций. Соответственно, менялась и структура досудебного производства: на одни органы возлагалась обязанность реагировать на сообщения о преступлении и предпринимать неотложные розыскные меры, в том числе негласного характера, на другие — законными способами собирать доказательства, с помощью которых устанавливались обстоятельства расследуемого события.

При очередном изменении структуры досудебного производства приходилось учитывать и накопленный практический опыт, и достижения науки. С возникновением криминалистики на рубеже XIX — XX вв. в обеспечение уголовного судопроизводства новыми идеями все чаще стала «вмешиваться» и эта новая отрасль знания. Впрочем, процессуалисты старались обходиться без нее. Достижения криминалистики законодатель предпочитал либо игнорировать, либо реагировал на них с заметным опозданием. Так происходило, к примеру, с процессуальной регламентацией проверки показаний на месте, приданием статуса специалиста сведущему лицу, оказывающему помощь следователю при производстве следственных действий, с признанием доказательственного значения за консультациями или письменными заключениями специалиста, с производством судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела и т.д. Та же участь, вероятно, постигнет и идею «составительной» экспертизы, высказанную учеными еще в XIX в.¹ и возрожденную отечественной криминалистикой век спустя².

Пренебрежение законодателя к разработкам криминалистики отчасти объясняется убежденностью некоторых ученых-процессуалистов в том, что уголовный процесс без криминалистического обеспечения справится с расследованием преступлений лучше, чем криминастика без уголовного процесса³. Вопрос по меньшей мере спорный.

¹ См.: Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. Киев, 2003. С. 70.

² См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 117, 118.

³ Это мнение процессуалиста В.М. Кобякова было изложено автором комментария к статье А.С. Александрова «Семь

И, тем не менее, подчеркивая зависимый характер криминалистики от уголовного процесса, представители в основном процессуальной науки и сегодня продолжают убеждать коллег в том, что обслуживание уголовного судопроизводства является единственным призванием криминалистики.

Впрочем, подобных взглядов придерживалось немало и криминалистов, особенно в период становления науки, что было в то время вполне естественно. Так, признанный основоположник криминалистики Г. Гросс, не отрицая ее права на самостоятельность⁴, все же отводил криминалистике место «лишь в скромном ряду вспомогательных наук»⁵.

Зависимость криминалистики от уголовного процесса как признак ее прикладной (к уголовному процессу) сущности позже подчеркивалась и другими учеными-криминалистами. К примеру, А.Н. Васильев, указывая на прикладной характер криминалистики, понимаемой им буквально как «приложение» к уголовному процессу⁶, подчеркивал ее вторичность, т.е. зависимость от уголовно-процессуальной науки.

Мало кто при этом вспоминал, что многие нововведения в уголовно-процессуальном законодательстве состоялись именно благодаря результатам научных и научно-технических разработок криминалистики. Достаточно назвать следственный эксперимент, предъявление для опознания, проверку показаний на месте, пробившихся в число легитимных процессуальных действий по инициативе прежде всего криминалистов и, увы, не без сопротивления отдельных представителей процессуальной науки, не говоря уже о признании доказательственного значения за результатами применения новых, предлагаемых для использования в уголовном судопроизводстве технико-криминалистических средств, приемов и методов. Так, весьма жесткими дискуссиями сопровождалось в свое время внедрение в уголовное судопроизводство методов судебной одорологии, некоторых приемов психологического воздействия на допрашиваемых, методов полиграфологии и даже средств видеозаписи как способа фиксации, отличного от

смертных грехов современной криминалистики» (см.: URL: http://www.iuaj.net/node/342#_ftnref6). Подробно о сказанном В.М. Кобяковым см.: Криминалист умеющий! Автаркическая криминастика: нужна ли? [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.iuaj.net/node/342#comment-10> (дата обращения: 01.08.2018).

⁴ См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / пер. с нем. 4-е изд. СПб., 1908. С. 10.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ См.: Васильев А.Н. Критические замечания в отношении криминалистики и уголовно-процессуальной теории доказательств // Сов. государство и право. 1979. № 4. С. 88.

упоминавшейся в законе кино съемки. Преодолевая сопротивление представителей процессуальной науки, криминалисты и сегодня прилагают усилия, чтобы легализовать практику проведения так называемой «правовой экспертизы». Мало перспектив стать реальностью и у «состязательной экспертизы», во всяком случае в условиях действующей редакции УПК РФ, и особенно после разъяснений Пленума Верховного Суда РФ № 28 2010 г. о недопустимости проведения специалистами, привлекаемыми сторонами, **исследований** вещественных доказательств (п. 20 Постановления).

И это притом, что криминалистика в прошлом не только реально разрабатывала новые следственные действия, воспринятые позже законом, не только конкретизировала процессуальные нормы, создавая тактико-технические приемы и средства их реализации, но и восполняла процессуальный закон правилами и рекомендациями более высокой, нежели нормы права, степени общности, например той же типовой структурой частной методики, представленной в виде поэтапного решения конкретных задач расследования.

Между тем среди процессуалистов нашлись и такие ученые, кто, рискуя навлечь на себя гнев всего криминалистического сообщества и руководствуясь соображениями о подчиненной роли криминалистической науки, определил для нее лишь одну функцию, а именно: прислуживать специальности 12.00.09.

Отдельные их представители принялись с усердием, достойным лучшего применения, обвинять криминалистику и криминалистов во всех «смертных грехах», ставших причиной ее нынешнего, как им показалось кризисного, состояния. Один из наиболее известных критиков отечественной криминалистики проф. А.С. Александров основные ее «грехи» обнаружил не только в стремлении выйти из рядов «обслуживающего персонала», но и в желании заниматься теоретическими исследованиями проблем, в том числе общих с уголовным процессом, той же теорией доказательств. Особо не вникая в суть криминалистических разработок и не стесняясь быть услышанным посвященными в проблемы криминалистической науки читателями, главный разоблачитель ее «греховности» взялся рассуждать о вырождении криминалистики, о продуцировании ею никому не нужных знаний. Этот непризнанный «знаток» «вырождающейся» науки дошел до утверждения, будто бы криминалистика, перестав обеспечивать практику полезными, с его точки зрения, научными рекомендациями, изменила своему призванию быть «служанкой» уголовного процесса. «Утратив прикладной, утилитарный характер, — заявляет проф. А.С. Александров, — криминалистика перестала быть созидательной силой;

забыв свое первоначальное предназначение, она изменила своей сути: быть помощницей юриста. Она взялась играть не свою роль: из служанки хочет превратиться во “владычицу” специальности 12.00.09.»⁷ (выделено мной. — А.Э.).

Руководствуясь собственными представлениями о назначении криминалистики и не догадываясь, судя по всему, о существовании объективных закономерностей развития любого научного знания, А.С. Александров бросил криминалистам упрек в излишнем увлечении спорами о предмете их науки, что, впрочем, не мешало ему самому со ссылкой на авторитет Ф.М. Достоевского высказаться о пределах криминалистического познания: «Слишком широка криминалистика, а надо бы сузить...». Полагая, что этим своим суждением он перефразирует великого русского писателя, А.С. Александров призвал ученых-криминалистов: «Пора вернуться к черновой, полевой работе — техническому обслуживанию уголовного процесса». И затем, войдя в раж, взялся поучать «грешных» криминалистов: «Криминалистам надо понять то, что теория — не их удел...»⁸.

Автору, судя по всему, трудно смириться с тем, что «увлечение» теорией доказательств, которое позволяют себе криминалисты, не только уместно, но и вполне в духе современных тенденций развития научного знания и что эти ее «увлечения» привели к тому, что к концу 60-х годов XX в. криминалистика оказалась едва ли не единственной отраслью знания, способной противопоставить свои теоретические разработки давно исчерпавшему себя монополизму уголовно-процессуальной науки в решении многих, некогда сугубо процессуальных проблем.

Мимо внимания А.С. Александрова прошли события, которые показывали, что с конца 70-х годов прошлого века теорией доказательств помимо криминалистики стали интересоваться многие другие отрасли знания, понимающие пользу от интеграции наук, — тот же гражданский и арбитражный процесс, та же теория ОРД, логика, психология, теория прогнозирования и принятия решений, теория информации и др.⁹ Однако в том, в чем любая наука видит полезное взаимодействие, отражающее тенденции развития современного научного знания, процессуалист А. Александров нашел только «смертные грехи». Критически оценивая

⁷ Александров А.С. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ О взаимосвязи теории доказательств с иными науками в конце 70-х годов прошлого века подробно писали, в частности, известные процессуалисты — профессора Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькин (см.: Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 48–56).

теоретические разработки криминалистики, апологету ее «греховности» полезно было бы знать о существовании одной хорошо известной в науковедении закономерности, которую вовсе не криминалисты придумали, как, вероятно, хотелось бы думать А.С. Александрову, а обнаружил ее Фридрих Энгельс, написавший в «Диалектике природы»: «*Всякому, кто занимается теоретическими вопросами, результаты современного естествознания навязываются с той же принудительностью, с какой современные естествоиспытатели — желают ли они того или нет — вынуждены приходиться к общетеоретическим выводам*»¹⁰.

Иными словами, нет таких криминалистов-практиков, которые в своей практической деятельности не приходили бы к теоретическим обобщениям, так же как бесполезны исследования криминалистов-теоретиков, которые не опираются на результаты правоприменительной практики.

Какими же доверчивыми и наивными должны были предстать перед коллегами по специальности 12.00.09 вполне современные, хотя и «криминальные», процессуалисты, если позволили криминалистам за короткий срок «искалечить» теорию доказательств до такой степени, что процессуальная наука утратила и собственный предмет исследования, и свое видение этого предмета. Как говорится, какова теория, такова и ее устойчивость от посягательств со стороны «вездесущих» криминалистов.

О том, что криминалистика «фактически... существовала всегда и ранее»¹¹, в конце XIX в. писал и основоположник криминалистической науки Г. Гросс: «*Тот, кто осматривал следы от человеческих ног..., кто начертил план места происшествия, — каждый из них применил те или иные из положений криминалистики*»¹². И уже только по причине раннего возникновения криминалистических рекомендаций вопрос о приоритетах, в частности о том, что возникло раньше — процессуальные правила или эмпирические рекомендации донаучной криминалистики, не имеет однозначного решения.

Например, П.С. Элькинд во второй половине 70-х годов прошлого века писала, что наука уголовного процесса не только «опирается на достижения криминалистики», но и «дальнейшее развитие уголовно-процессуальной науки и законодательства... возможно только при условии взаимопроникновения науки уголовного процесса и криминалистики»¹³.

Вся история развития этих сопутствующих друг другу отраслей знания — тому подтверждение. Сказанное, разумеется, относится и к истории формирования структуры досудебного производства, которая существовала, несомненно, еще до того, как получила закрепление в законе, ибо вряд ли бы процедуры расследования преступлений формировались в умах законодателей сами по себе, а не на основе накопленного опыта и знаний об оптимальной последовательности действий следователя на разных его этапах. И об этих правилах донаучной криминалистики, раскрывающих структуру ведения следствия, к моменту их закрепления в законе было известно уже не одно столетие. Будучи по своей познавательной сути правилами криминалистического толка, хотя, собственно, криминалистическими их стали называть лишь с конца XIX — начала XX в., они и составили основу для нормативного закрепления в виде оптимальной структуры досудебного производства. Поэтому именно обобщенная и систематизированная практика расследования благодаря четко обозначенному кругу последовательно решаемых на каждом из его этапов задач является прообразом современной структуры частной криминалистической методики, включая ее алгоритмы, а не процессуальная структура досудебного производства, получившая отражение в законе много позже.

Так, еще задолго до принятия первого отечественного «уголовно-процессуального кодекса» в 1716 г., известного под названием «Краткое изображение процессов и судебных тяжб», от следствия по уголовным делам требовалось соблюдать строгий порядок выяснения обстоятельств преступления. Как отметил В.А. Линовский со ссылкой на «старую итальянскую практику», сформировавшуюся еще до XVI в., первый вопрос, который надлежало решить по уголовному делу, был вопрос о факте преступления: «*судья вправе начинать дело лишь в том случае, если ему известно, что совершено преступление*»¹⁴.

Став к концу XVI в. господствующим в немецкой практике, правило первоочередного выяснения преступного характера расследуемого события «*перешло*, — писал В.А. Линовский, — *в наше законодательство*», получив закрепление в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб», т.е. только в 1716 г.¹⁵ Таким образом, к началу XVIII в. в российском законодательстве впервые была обозначена главная задача первого этапа расследования, определившая начало его структурного оформления. И этому нововведению предшествовал

¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1936. С. 69.

¹¹ Гросс Г. Указ. соч. С. X.

¹² Там же.

¹³ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 109.

¹⁴ Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. С. 62.

¹⁵ См.: там же. С. 63.

опыт, т.е. эмпирические рекомендации донаучной криминалистики.

Многие принятые впоследствии законы Российской Империи неизменно повторяли правило об «исследовании, прежде всего учинилось ли происшествие, заключающее в себе преступление»¹⁶, ибо наши предшественники прекрасно понимали, что только после достоверного установления характера события постановка иных задач, в том числе поиск виновного, обретали свой смысл. Потому и закрепили это эмпирически выработанное правило в законе, не стесняясь того, что оно было заимствовано уголовным процессом из донаучной криминалистики, «обслуживавшей», таким образом, уголовное судопроизводство. О заимствовании уголовным процессом криминалистических правил говорит уже тот факт, что нормативно предписанной очередности решения задач следствия, положенной в основу его структуры, насчитывается чуть более 300 лет (с 1716 г.), в то время как практике ее применения, по свидетельству В.А. Линовского, — минимум в полтора раза больше (с XVI в.).

Возвращаясь к «Краткому изображению процессов и судебных тяжб», повторюсь, что именно с его изданием расследование уголовных дел в Российской Империи стало подчиняться не эмпирическим правилам, а законодательному требованию, обязывавшему следователя соблюдать порядок, при котором значительная часть процессуальных действий на досудебных стадиях процесса допускалась только после подтверждения факта совершения преступления, т.е. требованию действовать по определенной методике, по определенному алгоритму, в определенной последовательности. Иными словами, сначала появилась эмпирическая идея, основанная на распространенном практическом опыте, и только потом, в начале XVIII в., ее воспринял закон.

Правда, сама структура следствия, раскрывающая наиболее целесообразную последовательность решения стоящих перед следствием задач, в ней до конца еще не была определена, а предлагалась как сочетание процессуального правила и рекомендаций донаучной криминалистики. В соответствии с этой последовательностью первой (нормативно обусловленной) должна была решаться, как сказано выше, задача установления характера события, причем, «если возможно, по горячим следам», и «даже в таком случае, если бы дело началось добровольным признанием»¹⁷. И только после подтверждения факта совершения преступления, уже согласно эмпирически обоснованному правилу следователь вправе был приступать к сбору «улик, изобличающих

в известном лице виновника его», и «всех доказательств дела», поиск которых в силу их свойств нельзя откладывать, а «должно отыскивать их и собирать по горячим следам»¹⁸. Для этого принимались меры, предусмотренные указами и «разными узаконениями», выработанными за предшествующие столетия, начиная с Уложения 1649 г.¹⁹

Потребовалось, однако, еще 100 с лишним лет, прежде чем этот сформировавшийся порядок решения задач досудебного производства удалось реализовать в нормативно предписанной его структуре, согласно которой следствие в 1832 г. разделилось на следствие предварительное и следствие формальное²⁰. В этой структуре досудебного производства предварительное следствие решало свои задачи посредством принятия исключительно розыскных мер, в то время как формальное следствие использовало для достижения своих целей уже только прямо предусмотренные законом средства.

Основная задача начального этапа досудебного производства, представленная в нынешнем уголовно-процессуальном законе основаниями возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), увы, утратила ту категоричность, которая была присуща структуре следствия многовековой давности. Для начала расследования сегодня уже не требуется однозначной оценки события как преступления, но достаточно лишь предположения «для возбуждения уголовного дела, — авторитетно заявляет Б.Т. Безлепкин, — требуется не факт преступления, а лишь обоснованное предположение о его существовании, которое базируется на фактах-признаках»²¹.

Не считая обязательным начинать досудебное производство с достоверного подтверждения факта преступления, уголовно-процессуальный закон, начиная с первого советского 1922–1923 гг., по сути, утвердил новое структурное правило, отчасти провоцирующее произвол в досудебном производстве, ибо по уголовному делу, возбужденному на основании лишь данных, «указывающих на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), т.е. на основании предположения о криминальном характере события, стало вполне допустимым требовать объяснений от любого лица, задержанного по одному только подозрению в совершении деяния, кажущегося преступлением. Современная структура

¹⁸ Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. III (цит. по: Линовский В.А. Указ. соч. С. 128).

¹⁹ См.: Баршев Я. Указ. соч. С. 129.

²⁰ См.: Часть 2 т. 15 Свода законов Российской империи 1832 г. (см.: История органов следствия России: хрестоматия для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / сост.: А.К. Аверченко и др. М., 2015. С. 5).

²¹ Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008. С. 34.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: там же. С. 128, 129.

уголовного процесса вполне допускает такой порядок работы по уголовному делу. Ну а с получением от допрашиваемых признательных показаний наши следователи и их оперативные помощники научились справляться и без криминалистики. Для этого им вполне достаточно руководствоваться уголовно-процессуальным законом.

А потому для российских следователей и не могло возникнуть никаких препятствий к тому, чтобы, не имея надежных данных, свидетельствующих о совершении именно преступления, а не какого-то иного действия или события, допрашивать в качестве подозреваемого или даже обвиняемого любого человека, на кого, к примеру, укажут свидетели, назвавшись очевидцами.

Соблазн добиться признания от задержанного, не утруждая себя доказыванием факта преступления, оказался настолько велик, что современные «сыщики» часто даже не скрывают своих намерений, в том числе и тогда, когда понимают, что действуют незаконными методами. К чему это порой приводит, мы знаем из историй о неожиданном «воскрешении» людей, за убийство которых отбывают срок те, кто в свое время признался в его совершении. Такое стало возможным, вероятно, еще и потому, что правило донаучной криминалистики, о котором говорилось выше, и сегодня превращенное законодателями «в хлам», понимает, не в состоянии остановить ни оперативников, ни дознавателей, ни следователей в их стремлении любой ценой «раскрыть» преступление, которого на самом деле не было, ибо уже никто из правоохранителей не обязан знать, как того требовал российский закон многовековой давности, что поиск и изобличение, например, убийцы можно начинать *«не ранее, чем будет установлено, что смерть действительно причинена другим лицом...»*²².

Между тем, несмотря на законодательные новации, только, пожалуй, криминалисты, сохраняя преданность этой идее, понимали и понимают обязательность первоочередного и, главное, именно достоверного выяснения характера события.

Увы, но в современной следственной и судебной практике мало что с тех пор изменилось: признаний лиц в не совершенных ими преступлениях меньше не стало, скорее наоборот. Подобные факты можно нынче наблюдать повсеместно и систематически. Так, может быть, действительно вернуться к опыту прошлого, в частности к тем правилам оценки признательных показаний, которые были регламентированы еще в 1716 г. «Кратким изображением процессов и судебных тяжб»?

²² Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 2001. С. 72.

Такое заимствование могло бы стать сегодня благом для отечественного правосудия и предварительного следствия, но только при условии безоговорочного соблюдения этих правил, о чем в начале прошлого века говорил один из сторонников теории формальных доказательств, выдающийся ученый—процессуалист Л.Е. Владимиров. Впрочем, и его слова, и процессуальные условия получения признательных показаний, гарантирующие и достоверность, и их доказательственное значение, были впоследствии благополучно забыты критиками этой теории. Оценивая собственное признание обвиняемым своей вины как *«королевы доказательств»*, Л.Е. Владимиров, в частности, писал: *«Нет на свете лучшего свидетеля, чем тот, кто сам совершил преступление. И поэтому в вопросе о собственном признании все старания должны быть направлены к тому, чтобы оно было в процессуальном отношении безукоризненно отобрано и правильно использовано»*²³ (выделено нами. — А.Э.). Заметим, что акцент Л.Е. Владимировым сделан не на стремление («старание») непременно получить признательные показания, а на то, чтобы полученное признание в процессуальном отношении было безукоризненно, т.е. получено и использовано в строгом соответствии с законом.

Увы, но эти два последних условия, в частности о «безукоризненном» процессуальном оформлении и «правильном использовании» признательных показаний, критики теории формальных доказательств практически никогда не вспоминали.

Кстати, самым беспощадным критиком теории формальных доказательств, как это ни парадоксально, оказался академик А.Я. Вышинский. Отметив пагубность влияния собственного признания на ход дела, А.Я. Вышинский объяснил, в чем эта пагубность выражалась. Его аргументы и сегодня выглядят безупречными, а *«потому, — писал академик, — что зачастую все усилия следователей направлялись к тому, чтобы так или иначе, подчас самыми противозаконными способами и приемами добиться от обвиняемого сознания и тем «упростить» дело...»*²⁴ (выделено нами. — А.Э.).

Чтобы избавить российское правосудие от злоупотреблений, которые имеют место в практической деятельности значительной части работников правоохранительной сферы, стремящихся любыми средствами добиться признания от тех, кого они пытаются привлечь к ответственности, вовсе не обязательно пересматривать вполне сформировавшуюся теорию доказательств, согласно которой

²³ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2002. С. 341.

²⁴ Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М., 1950. С. 136, 137.

ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы. Однако ничто не мешает правоохранительным органам «направить все старания» на выполнение, хотя и выработанных более 300 лет назад, но вполне разумных требований, обеспечивающих с одной стороны, достоверность признательных показаний обвиняемого, а с другой – ставящих барьер насильственному их получению.

Для этого достаточно заимствовать процессуальные правила, закрепив их в современном уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. И правила эти, впервые сформулированные, как уже отмечалось, в 1716 г., стоят того, чтобы ими и сегодня руководствовались представители правоохранительных органов. Эти правила состояли в следующем:

«Чтобы собственное признание было ценностно, требуются от него следующие условия: 1) чтобы оно было совершено сходно с произошедшим действием; 2) чтобы оно было добровольным; 3) чтобы оно было učinено в суде перед судьей; 4) чтобы... были показаны такие обстоятельства действия, по которым о достоверности и истине оно невозможно было бы сомневаться»²⁵.

Это положение, дополненное Указом 1775 г., по которому «не велено домогаться признания от подсудимого, когда другие обстоятельства избличают вину его», сохраняло силу и в XIX в.²⁶

Для понимания сути первого из сформулированных четырех правил важно прежде всего вспомнить условие, о котором так настойчиво говорилось выше, а именно о том, что к моменту появления в деле подозреваемого (обвиняемого) в распоряжении у следователя должны быть достоверные сведения, подтверждающие факт совершения преступления. Это значит, что отдельные обстоятельства расследуемого события, образующие, выражаясь современным языком, объективную сторону состава преступления, должны были быть известны следователю до начала допроса обвиняемого. Поэтому, если показания обвиняемого об обстоятельствах якобы совершенного им преступления противоречили обстоятельствам дела, уже установленным следствием, то такому признанию нельзя было придавать доказательственного значения. Строгое соблюдение этого важнейшего условия и сегодня способно разоблачить самооговор несправедливо обвиненного лица, в том числе состоявшийся в результате использования незаконных методов и средств.

Второе правило 300-летней давности – о добровольности признания вины – было призвано

воспрепятствовать такого рода незаконным действиям следователя.

Третье правило – процедурное, позволяющее добиваться от обвиняемого признания собственной вины только в присутствии тех, кто способен остановить следователя в случае, если тот попытается незаконными методами заставить его дать признательные показания. Согласно этому правилу только признание, полученное в суде и перед судьей, можно было использовать в качестве доказательства вины обвиняемого.

И наконец, последнее, четвертое правило позволяло убедиться не только в искренности обвиняемого, но и в достоверности сообщаемых им сведений о совершенном преступлении. В признательных показаниях, как говорилось в Законе 1716 г., должны быть не просто сведения об обстоятельствах преступления, совпадающие с известными следователю обстоятельствами расследуемого события, но сведения, достоверность которых не вызывает сомнений.

* * *

Легализация сегодня в процессуальном Законе правил 300-летней давности помогла бы решить многие проблемы, в том числе проблемы аномально высокой «раскрываемости» преступлений при псевдосто процентной «эффективности» работы судебной системы, забывшей, что такое оправдательный приговор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. С. «Семь смертных грехов современной криминалистики». URL: http://www.iaj.net/node/342#_ftnref6
2. Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 2001. С. 72.
3. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. III.
4. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008. С. 34.
5. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 117, 118.
6. Васильев А. Н. Критические замечания в отношении криминалистики и уголовно-процессуальной теории доказательств // Сов. государство и право. 1979. № 4. С. 88.
7. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2002. С. 341.

²⁵ Линовский В. А. Указ. соч. С. 76.

²⁶ См.: там же.

8. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 48–56.
9. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / пер. с нем. 4-е изд. СПб., 1908. С. X, 10, 13.
10. Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. Киев, 2003. С. 70.
11. История органов следствия России: хрестоматия для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / сост.: А.К. Аверченко и др. М., 2015. С. 5.
12. Криминалист умеющий! Автаркическая криминалистика: нужна ли? [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.iuaj.net/node/342#comment-10> (дата обращения: 01.08.2018).
13. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. С. 62, 63, 76, 128, 129.
14. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М., 1950. С. 136, 137.
15. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 109.
16. Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1936. С. 69.
4. Bezlepkin B. T. Reference book of the investigator and of the inquirer. M., 2008. P. 34 (in Russ.).
5. Belkin R.S. Course of criminology: 3 t. T. 3. Criminalistic tools, techniques and recommendations. M., 1997. P. 117, 118 (in Russ.).
6. Vasiliev A.N. Critical remarks in relation to criminology and criminal procedure theory of evidence // Soviet State and Law. 1979. No. 4. P. 88 (in Russ.).
7. Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence. Tula, 2002. P. 341 (in Russ.).
8. Gorsky G.F., Kokorev L.D., Elkind P.C. Problem of evidence in the Soviet criminal process. Voronezh, 1978. P. 48–56 (in Russ.).
9. Gross G. Guidelines for court investigators as the system of criminalistics / per. with him. 4th ed. SPb., 1908. С. X, 10, 13 (in Russ.).
10. Dinevski V.P. Our preliminary investigation: its shortcomings and reform. Kiev, 2003. P. 70 (in Russ.).
11. History of the investigation of Russia: a textbook for students. of the high schools trained on a speciality “Jurisprudence” / ed.: A.K. Averchenko et al., 2015. P. 5 (in Russ.).
12. Criminalist knows how! Autarkic forensics: do we need it? [Electronic resource] – access Mode: URL: <http://www.iuaj.net/node/342#comment-10> (accessed: 01.08.2018) (in Russ.).
13. Linovsky V.A. Experience of historical investigations of investigative criminal proceedings in Russia. M., 2001. P. 62, 63, 76, 128, 129 (in Russ.).
14. Theory of judicial evidence in Soviet law. 3-e Izd., DOP. M., 1950. P. 136, 137 (in Russ.).
15. Elkind P.S. Goals and means to achieve them in the Soviet Criminal procedure Law. L., 1976. P. 109 (in Russ.).
16. Engels F. Dialectics of nature. M., 1936. P. 69 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

ЭКСАРХОПУЛО Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета; 450005 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

Authors' information

EXARKHOPULO Aleksey A. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of criminology of the Institute of law of Bashkir state University; 131 Dostoevskogo street, 450005 Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia